

Максим Козлов

Стеклянная стена

Максим Козлов
Стеклянная стена

«Автор»

2026

Козлов М.

Стеклянная стена / М. Козлов — «Автор», 2026

В мире, разделённом Стеклянной стеной, инженер Марк Фостер живёт в раю — внутри, где есть всё: вода, еда, безопасность. Снаружи — пустыня, голод и смерть. Он сам спроектировал эту стену. Но однажды он замечает девочку, которая каждый день приходит к стеклу, чтобы просто смотреть на деревья. Этот взгляд запускает цепь событий, которые заставят Марка перейти стену, потерять всё и обрести нечто большее. Это роман о границах — реальных и воображаемых, о праве богатых закрываться от бедных и о том, что делает людей «своими» и «чужими». История о человеке, который построил стену, а потом посвятил жизнь тому, чтобы она стала ненужной.

© Козлов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Максим Козлов

Стеклянная стена

Глава первая

Стекло было холодным. Оно всегда было холодным, даже когда снаружи воздух плавился от жары и песок нагревался до температуры, при которой можно было обжечь ступни за несколько секунд. Марк провёл ладонью по внутренней поверхности, и на стекле остался след — жирный отпечаток пальцев, который исчез через секунду, стёртый автоматической системой очистки. Нанопфибра, вспомнил он. Его разработка. Двенадцать лет назад он сидел в лаборатории и думал, как сделать так, чтобы стекло всегда оставалось чистым. Чтобы те, кто внутри, никогда не видели грязи.

За стеной начиналась пустыня. Рыжая, бесконечная, уходящая к горизонту, где дрожал горячий воздух. Когда-то там были дороги, говорили старые карты. Сейчас там только песок и камни, и люди, которые живут в лачугах из того, что удалось найти или украсть.

Марк отвёл руку и посмотрел на свою ладонь. Чистая. Розовая. Ногти подстрижены неделю назад, кутикула обработана — Анна, его жена, настояла на том, чтобы ходить к косметологу раз в две недели. Он сжал пальцы в кулак и сунул руку в карман брюк. Леняные, светло-серые, купленные три месяца назад в магазине на Пятой авеню. Он не помнил, сколько они стоили. Что-то около трёх тысяч, кажется. Или пяти. Он не проверял баланс своего счёта уже года четыре.

Стена уходила вверх на пятнадцать метров. Прозрачная, совершенно прозрачная — если не знать, что она там есть, можно было бы подумать, что воздух просто заканчивается, обрывается, превращается во что-то твёрдое. Но все знали. Все внутри знали, потому что у каждого в школе был курс «Основы безопасности периметра». И все снаружи знали, потому что видели, как птицы разбиваются о стекло, когда пытаются пролететь с той стороны на эту. Птицам было всё равно на границы.

Ветра не было. Стоял полдень, солнце висело прямо над головой, и тени были короткими, жалкими, прижатыми к земле. Марк стоял в своём саду, на искусственной траве, которая пахла пластиком, если встать на колени и понюхать. Никто этого не делал. Садовники подстригали её раз в неделю, хотя она не росла. Просто поддерживали форму. Просто делали вид, что это настоящая трава.

За стеклом, метрах в тридцати от периметра, что-то двигалось. Марк прищурился. Сначала он подумал, что это собака — тощие бездомные собаки иногда подходили к стене, привлечённые запахом еды из вентиляционных шахт. Но это была не собака.

Девочка.

Она была маленькой, очень худой. Лет семь или восемь — столько же, сколько его сыну. Волосы светлые от солнца и грязи, висели патлами вдоль лица. Платье или то, что когда-то было платьем — мешковина, подпоясанная верёвкой. Босиком. Она стояла неподвижно и смотрела.

Марк оглянулся. В саду никого не было. Лео, его сын, был в доме, играл с роботом-няней или смотрел что-то на голографической панели. Анна уехала в центр — у неё был теннис в клубе, потом ланч с подругами, потом спа. Обычный четверг. Марк снова повернулся к стене.

Девочка не двигалась. Она стояла и смотрела не на него, а на деревья. У него в саду росли три яблони, настоящие, привезённые из северных питомников, и сейчас на них начинали краснеть плоды. Она смотрела на яблоки. Не на дом, не на бассейн, не на газон — на яблоки.

Ему стало холодно. Внутри всегда было двадцать два градуса, климат-контроль работал идеально, и он вдруг почувствовал, как мурашки пошли по предплечьям, волоски встали дыбом.

— Пап!

Марк вздрогнул. Лео стоял на террасе, босой, в белой футболке и шортах, и держал в руке своего робота — маленького, серебристого, похожего на паука с круглой головой.

— Чего тебе?

— Мне скучно.

Марк посмотрел на девочку за стеной, потом на сына. У Лео была своя комната, полная игрушек. У него был робот, который мог рассказывать сказки, петь песни, учить языкам, играть в шахматы. У него был бассейн. У него был сад. У него было всё, что можно было купить за деньги, а деньги у Марка были, и немалые.

— Почитай книгу, — сказал он.

— Я не хочу.

— Тогда поплавай.

— Там вода мокрая.

Марк потёр лицо ладонями. Когда он был в возрасте Лео, его семья жила в этом же доме, и у него не было робота, а был старый деревянный конструктор, и ему никогда не было скучно. Или было — он не помнил. Он вообще мало помнил из своего детства. Только то, как отец однажды сказал ему: «Ты будешь инженером. Инженеры нужны всегда. Даже когда всё рухнет, инженеры будут нужны».

Отец умер за год до того, как Марк закончил проект Стены. Он не увидел, как его сын стал главным архитектором системы безопасности периметра. Не узнал, что его сын создал алгоритм, который убивает людей, пытающихся пересечь границу. Если бы он узнал, он бы, наверное, промолчал. Отец вообще много молчал.

Девочка всё стояла.

— Пап, — позвал Лео. — Пап!

— Что?!

— Почему там девочка?

Марк опустил руки. Лео подошёл к стене и теперь стоял в метре от стекла, глядя наружу. Робот висел у него в руке, забытый.

— Она просто стоит.

— Ей можно к нам?

— Нельзя.

— А если я её позову?

— Она не услышит.

Стекло было звуконепроницаемым. Это тоже была его разработка. Четырнадцать слоёв композитного материала, между ними вакуумные прослойки, гасящие любые колебания. Соловей мог бы петь с той стороны, прижав клюв к стеклу, и внутри никто бы не услышал.

— А если я постучу?

— Она не услышит.

Лео поднял кулак и всё равно постучал. Раз, другой. Костяшки пальцев глухо ударились о стекло. Девочка не шевельнулась. Лео дождался и опустил руку.

— Она странная.

— Она просто смотрит, — сказал Марк. — Ей интересно.

— Что интересно?

— Деревья. Яблоки.

— А у неё нет яблок?

— Нет.

Лео замолчал, обдумывая это. Он никогда не знал, что такое «нет». В доме всегда была еда — повар готовил завтрак, обед и ужин, холодильник был набит фруктами, овощами, мясом, сырами. Если Лео хотел яблоко, он просто говорил «хочу яблоко», и робот-помощник приносил его, нарезанное дольками, на тарелке.

— Тогда давай ей дадим, — сказал Лео.

— Нельзя.

— Потому что стена.

— А зачем стена?

Марк вздохнул. Он сам себе задавал этот вопрос последние пятнадцать лет. Сначала как инженер: стена нужна, чтобы удерживать разницу давления. Это была не совсем ложь. По одну сторону — чистый воздух, фильтрованный, обогащённый, с идеальной влажностью. По другую — пыль, песок, выхлопы древних генераторов, которые жгли всё, что могло гореть. Если бы стены не было, эта грязь проникла бы внутрь, и тогда системы очистки не справлялись бы. Это была инженерная правда. Потом — стена нужна, чтобы удерживать разницу температур. Потом — чтобы удерживать разницу во всём остальном. В том, сколько стоит жизнь.

— Стена нужна, чтобы нам было хорошо, — сказал он.

— А им? — Лео кивнул на девочку.

— А им — как получится.

Разговор иссяк. Лео ещё минуту постоял, глядя на девочку, потом плюхнулся на траву и запустил робота. Тот зажужжал, развернул крылья (игрушечные, не летающие) и начал рассказывать историю про дракона и принцессу. Лео слушал, ковыряя пальцем землю — искусственную, резиновую крошку, которая не пачкала рук.

Девочка ушла через час. Просто повернулась и пошла в сторону заката, туда, где на горизонте темнели очертания лачуг. Марк смотрел ей вслед. Она не оглянулась.

Вечером он сидел в кабинете и смотрел на чертежи. Это была старая привычка — когда он не мог уснуть или не знал, чем себя занять, он открывал схемы Стены. Они были красивыми. По-настоящему красивыми, как может быть красив хорошо спроектированный механизм. Тысячи сенсоров, сотни турелей, автономная система энергоснабжения, самовосстанавливающиеся нанопокрывтия. Всё это он создал с нуля, сидя в этой же комнате, когда Лео ещё не было, а Анна была не женой, а просто девушкой, с которой он встречался по выходным.

Он открыл сектор С-7. Это был его сектор — километр периметра, который проходил прямо за его домом. Камеры, датчики движения, термические сканеры, микрофоны (наружные, не связанные с внутренней системой звукоизоляции). Всё работало в штатном режиме. Одно нарушение за последние сутки: в 14:37 объект (человек, женщина, предположительный возраст 7-10 лет) приблизился к стене на расстояние 27 метров. Система зафиксировала, классифицировала, передала данные в центральный узел. Угрозы не обнаружено. Оружия нет. Поведение неагрессивное. Время нахождения в зоне наблюдения — 1 час 14 минут.

Марк перечитал строчку «предположительный возраст 7-10 лет» и закрыл файл.

Он спустился вниз, на кухню. Повар уже ушёл — его рабочий день заканчивался в восемь, после ужина. Холодильник тихо гудел, наполненный едой. Марк открыл ящик с фруктами, взял три яблока, положил в карман и вышел в сад.

Было темно. Фонари вдоль стены горели мягким, приглушённым светом — достаточным, чтобы патрульные камеры видели периметр, но недостаточным, чтобы мешать спать жителям внутренней зоны. Марк подошёл к вентиляционной решётке, вмонтированной в основание стены. Через неё выходил отработанный воздух — тёплый, пахнувший кухней, стиральным порошком, духами Анны. Решётка была спроектирована так, чтобы через неё не мог пролезть даже ребёнок — щели по три сантиметра шириной. Но яблоко пролезало. Если повернуть боком и чуть надавить.

Марк просунул первое яблоко. Оно застряло на секунду, потом соскользнуло и упало с той стороны — он услышал глухой стук. Потом второе. Потом третье. Три яблока ушли в темноту, за стену, в пустыню, где их, возможно, найдут собаки, или птицы, или люди, которые ходят ночью вдоль периметра в поисках того, что можно съесть.

Он вытер руки о брюки, чувствуя себя дураком. Три яблока. Что это изменит? Даже если девочка их найдёт — а она не найдёт, здесь километры периметра, — что это даст? Один день сытости? Два?

Он пошёл обратно в дом. Анна уже вернулась, сидела в гостиной с бокалом вина, смотрела какое-то шоу на голографической панели. Она была красивая, его жена. Высокая, светло-волосая, с тонкими запястьями и длинной шеей. Когда-то он думал, что она похожа на цаплю. Теперь она была похожа на всех женщин в их кругу — ухоженных, утомлённых, с приклеенной улыбкой.

— Ты где был?

— В саду.

— Что-то случилось?

— Нет.

Она кивнула и вернулась к шоу. Ей было всё равно. Ему тоже когда-то было всё равно — это было самое страшное. Когда он перестал думать о том, что за стеной? Когда это стало нормальным? Наверное, когда родился Лео и все мысли занял этот маленький кричащий комок, который требовал внимания каждую минуту. Или раньше — когда проект Стены был завершён, и он получил свою премию, и все говорили: «Ты спас наш мир, Марк, ты — герой». Тогда это звучало гордо.

Он поднялся в спальню, разделся, лёг в кровать. Простыни были прохладными, подушка пахла лавандой. За окном, за стеклом, за второй стеклянной стеной, которая была больше и страшнее, кто-то, возможно, умирал от голода или жажды, или просто сидел в темноте и смотрел на звёзды.

Он закрыл глаза. Перед внутренним взором стояла девочка. Она не просила еды. Она не стучала в стекло. Она просто смотрела. Как будто деревья были чудом. Как будто яблоки были чем-то невозможным. Она смотрела так, как Лео никогда ни на что не смотрел — потому что Лео никогда не видел ничего, что было бы для него недоступным.

Марк повернулся на бок и заснул.

Утром он проснулся в шесть, как обычно. Анна ещё спала — она никогда не вставала раньше девяти. Марк спустился вниз, выпил кофе (повар уже был на месте, кофе был горячим, сваренным ровно так, как он любил), и вышел в сад. Стеклянная стена блестела в утреннем свете. Он подошёл к тому месту, где вчера вечером просовывал яблоки, и посмотрел вниз.

Яблок не было.

Он не знал, радоваться или огорчаться. Если яблоки кто-то взял, это значило, что его жест не был напрасным. Если их просто утащили шакалы — что ж, по крайней мере, шакалы будут сыты.

Он пошёл вдоль стены. Охранная система зафиксировала его перемещение, идентифицировала — свой, уровень доступа высший, угрозы нет — и продолжила наблюдение. Марк знал алгоритм наизусть. Каждые три секунды система сканирует пространство перед стеной. Каждые пять секунд она проверяет целостность самой стены. Если объект пересекает красную линию (три метра от стены), система выдаёт предупреждение. Если объект касается стены — открывает огонь. Никаких исключений. Никакой пощады.

Исключение было одно — вентиляционные шахты. Они не считались частью стены с точки зрения охранного алгоритма. Они были частью системы жизнеобеспечения, а жизнеобеспечение не было заточено под безопасность. Это была дыра в его собственном проекте, о которой он знал с самого начала и которую так и не закрыл. Сначала потому, что не считал

нужным — что можно просунуть через трёхсантиметровую щель? Записку? Потом — потому, что забыл. А теперь — потому, что хотел, чтобы она осталась.

В тот вечер он вынес не три яблока, а шесть. И ещё кусок хлеба, завернутый в плёнку, чтобы не испачкался. И маленькую бутылку воды.

Он делал это каждую ночь две недели.

На пятнадцатый день он увидел её снова. Девочка пришла в то же время, в полдень, и встала на то же место. На ней было то же платье, те же спутанные волосы, те же босые ноги. Но что-то изменилось. Марк не сразу понял что. А потом увидел: в руке у неё была бутылка. Его бутылка. Маленькая, пластиковая, с синей крышкой. Пустая.

Она держала её, как держат сокровище.

Марк стоял за стеклом и смотрел на неё, и она смотрела на деревья, и это длилось час, и потом она ушла. Он не знал её имени. Он не знал, жива ли её мать. Он не знал, где она живёт и с кем. Но он знал, что сегодня ночью положит за решётку еду, и она её найдёт.

Так начался его путь за стену.

Прошёл месяц. Марк похудел — Анна заметила, сказала, что он мало ест, посоветовала сходить к врачу. Он сказал «да, конечно» и не пошёл. Он не мог есть, когда знал, что там, за стеклом, есть те, кто не ел неделями. Это было глупо, сентиментально и совершенно не рационально — но он не мог. Еда застревала в горле, становилась безвкусной, как бумага.

Он начал изучать данные с камер. Не свои, не сектора С-7 — он имел доступ ко всей системе, как главный архитектор. Он смотрел, сколько людей живёт вдоль периметра, как они передвигаются, где берут воду, чем питаются. Данные были удручающими. Плотность населения за стеной была втрое выше, чем он предполагал. Люди жили семьями, кланами, племенами — система распознавания лиц фиксировала одних и тех же взрослых и детей изо дня в день. Они не были кочевниками. Они были беженцами, которые осели вдоль Стены, потому что дальше идти было некуда.

Он увидел женщину, которая каждое утро выходила к вентиляционной решётке сектора D-12 и ждала. Просто ждала. Она ничего не получала — в том секторе никто не выбрасывал еду. Но она всё равно приходила. Марк проверил, кто живёт за D-12. Там был дом семьи Кортесов — банкиры, старая фамилия, трое детей, штат прислуги. Их повар выбрасывал объедки в измельчитель. Женщина с той стороны не знала этого, но приходила каждое утро.

Он начал переправлять еду и туда.

Это превращалось в одержимость. Каждую ночь он выходил в сад с рюкзаком, набитым продуктами, и раскладывал их по вентиляционным шахтам — одну за другой, двигаясь вдоль своего участка стены. Он знал, что камеры фиксируют его передвижения, но система идентифицировала его как «свой — уровень доступа высший», и тревога не поднималась. Он знал также, что рано или поздно кто-нибудь заметит аномалию. Слишком много продуктов исчезало из его дома. Слишком часто он появлялся на периметре в нерабочее время. Слишком долго он смотрел на чертежи системы безопасности.

Анна спросила однажды:

— Что с тобой происходит?

— Ничего.

— Ты врешь. Ты не спишь ночами. Ты перестал ходить в клуб. Ты не разговариваешь с Лео.

Он не спал ночами — правда. Он сидел над картами периметра и планировал, как организовать более эффективную доставку. Один рюкзак в день — это капля в море. Нужно было больше. Нужны были сообщники.

— Я просто работаю, — сказал он.

— У тебя отпуск уже три года как, — сказала Анна. — Какая работа?

Он не ответил.

Он нашёл сообщников через неделю. Это были люди из технического персонала — те, кто обслуживал вентиляционные системы, фильтры, насосы. Они были ближе всех к стене по работе. У них был доступ к шахтам, к решёткам, к техническим тоннелям. И, как выяснилось, у них тоже были глаза. Они тоже видели, что происходит за стеной.

Первым был Мигель — техник вентиляции, пожилой мужчина с седыми висками и спокойным голосом. Он работал на этом участке двадцать лет и знал каждый винтик. Марк подошёл к нему в техническом коридоре, под землёй, где гудели трубы и пахло машинным маслом.

— Мигель, можно тебя на два слова?

— Конечно, сеньор Фостер.

— Не называй меня так. Я Марк.

— Хорошо, Марк.

Он объяснил, что делает. Сначала Мигель молчал. Потом кивнул.

— Я знаю, — сказал он. — Я видел. Камеры показывают, что кто-то оставляет еду у решётки. Я думал, может, это сбой системы.

— Это я.

— Зачем?

Марк не знал, как объяснить. Девочка? Яблоки? То, что он не мог спать по ночам? Все слова казались мелкими и глупыми.

— Потому что так надо, — сказал он.

Мигель посмотрел на него долгим взглядом. У него были тёмные, глубоко посаженные глаза, которые видели слишком много и слишком долго.

— Я помогу, — сказал он. — У меня есть ключи от шахт. Я знаю, как обходить датчики температуры. Если мы будем осторожны, нас не поймают.

Так началось. Сначала их было двое — Марк и Мигель. Потом присоединилась Лина, инженер по фильтрации. Потом Дэвид, электрик. Потом ещё четверо, чьи имена Марк не всегда помнил, но чьи лица знал наизусть. За три месяца они построили целую сеть: продукты спускались по техническим тоннелям, потом через модифицированные вентиляционные решётки (щели были расширены, едва заметно — вместо трёх сантиметров стало пять) выходили наружу, в пустыню. С той стороны, как они узнали позже, их ждали.

Девочку звали Элис. Это имя Марк узнал от Мигеля, который однажды видел, как женщина за стеной звала её, и система наружного наблюдения записала звук. Элис. Ей было восемь лет. У неё не было отца — его застрелили турели три года назад, когда он попытался перелезть через стену. Мать была жива, но больна — какой-то лёгочный недуг, обычный для тех, кто дышал пустынным воздухом слишком долго. Элис приходила к стене каждый день не потому, что ей было интересно. Она приходила, потому что её мать сказала: «Там деревья. Если долго смотреть на деревья, можно вспомнить, что мир был другим».

Марк не знал, верила ли в это сама мать. Но Элис верила.

Через четыре месяца после первого яблока Марк переправил за стену первую партию лекарств. Это было сложнее, чем еда. Еду можно было взять из собственного холодильника, списать на повышенный аппетит. Лекарства требовали рецептов, регистрации в медицинской системе, объяснений. Он использовал связи. У него были знакомые врачи, которые выписывали препараты за вознаграждение. Один из них, доктор Харрис, спросил:

— Зачем тебе антибиотики широкого спектра? Ты не выглядишь больным.

— Для друга.

— У твоего друга нет доступа к медицинской страховке?

— У моего друга нет доступа ни к чему.

Харрис помолчал, потом выписал рецепт на чужое имя — на человека, которого не существовало. Это было преступление. Если бы их поймали, обоим ждала бы высылка за стену. Но Харрис выписал, и Марк пошёл дальше.

Лекарства ушли в пустыню. Антибиотики, обезболивающее, инсулин (для кого — он не знал, но Мигель сказал, что за стеной есть диабетики), бинты, антисептики. Всё это было упаковано в герметичные пакеты и отправлено через шахты. Ответом была тишина. Но через неделю у решётки сектора С-7 появилась записка: «Спасибо». Написана на обрывке бумаги, корявым почерком. Марк хранил её в ящичке стола, вместе с чертежами Стены.

Той же осенью его поймали.

Система безопасности имела много уровней. То, что Марк обходил датчики, не значило, что никто другой не следил. Совет Безопасности — тринадцать мужчин и женщин, которые управляли городом, — имел собственную службу мониторинга. Они анализировали поведение жителей. Они видели аномалии. Марк, который раньше почти не выходил в сад, теперь проводил там каждую ночь. Марк, чьи расходы на продукты выросли втрое. Марк, чьи передвижения по техническим тоннелям фиксировались системой, пусть и с высшим уровнем доступа.

Однажды вечером, когда он вернулся из сада, в гостиной сидели двое. Он знал их: Роберт Ким, начальник службы безопасности, и женщина по имени Хелен, которую он видел на заседаниях Совета. Они сидели на его диване, пили его виски и ждали его.

— Марк, — сказал Роберт. — Присядь. Нам нужно поговорить.

Анна стояла в углу, бледная, с испуганными глазами. Она не понимала, что происходит, но понимала, что происходит что-то плохое.

Марк сел. Ему не предложили выпить.

— Ты знаешь, зачем мы здесь? — спросила Хелен.

— Догадываюсь.

— Мы наблюдали за тобой три месяца. Сначала мы думали, что у тебя роман. Или что ты сошёл с ума. Но потом мы увидели записи. Ты переправляешь еду за стену. Ты модифицировал вентиляционные решётки. Ты создал преступную сеть внутри технического персонала.

— Это не преступная сеть, — сказал Марк. — Мы просто кормим людей.

— Это преступление, — сказал Роберт. — Статья семнадцать Уложения. Несанкционированный контакт с внешним периметром. Наказание — высылка.

— Тогда высылайте.

— Не так быстро. — Хелен отпила виски. — Ты ценный специалист, Марк. Ты создал эту стену. Ты знаешь её лучше всех. Совет не хочет терять тебя.

— Мы предлагаем тебе сделку, — сказал Роберт. — Ты прекращаешь свою деятельность. Ты выдаёшь всех сообщников. Ты возвращаешься к нормальной жизни. И мы забываем об этом инциденте. Всё остаётся как было.

— А если я откажусь?

— Тогда высылка. Ты, твоя семья — все за стену.

Марк посмотрел на Анну. Она смотрела на него с ужасом. Она не хотела за стену. Она не была готова к этому. Лео не был готов.

— Я должен подумать.

— У тебя сутки.

Они ушли, оставив после себя запах дорогого виски и угрозы. Анна бросилась к нему:

— Что ты наделал?! Ты понимаешь, что ты наделал?!

— Я кормил людей.

— Каких людей?! Там нет людей! Там дикари, преступники, те, кто не захотел жить по правилам!

— Там дети, Анна. Там девочка по имени Элис, ей восемь лет. Она смотрит на наши деревья. Она никогда не пробовала яблок.

— Мне плевать на неё! — голос Анны сорвался на крик. — У нас есть сын! Ты готов отправить его за стену из-за какой-то чужой девчонки?!

— Нет, — сказал Марк. — Я не отправлю его за стену.

Сутки он не спал. Он сидел в кабинете и смотрел на чертежи. Он думал о том, что будет, если он согласится. Он останется внутри. Лео будет в безопасности. Анна будет в безопасности. Он перестанет переправлять еду, и люди за стеной — Элис, её мать, те, кому он помогал, — умрут. Может, не сразу. Может, они найдут другой источник. Но скорее всего — умрут.

Если он откажется — его вышлют. И тогда он умрёт вместе с ними. И его семья умрёт. Или, возможно, нет — возможно, Совет пожалеет Анну и Лео, оставит их внутри, потому что они не виноваты. Но он не знал наверняка.

На рассвете он принял решение.

— Я ухожу за стену, — сказал он Анне. — Один. Ты и Лео останетесь здесь.

Она плакала. Она кричала. Она пыталась его остановить. Но он уже сделал выбор. Он не мог остаться внутри, зная, что там, в пустыне, умирают люди, которым он мог бы помочь. И он не мог взять семью с собой — это было бы убийством.

Совет принял его решение. Ему дали час на сборы. Никаких вещей, кроме одежды, которую можно унести на себе. Никаких технологий, никаких устройств. Только то, что на нём, и то, что в рюкзаке.

Утром перед уходом он подошёл к стене. Лео стоял рядом, ничего не понимая. Он думал, что папа уезжает в командировку. Марк взял его за плечи.

— Сын, — сказал он. — Когда ты увидишь девочку за стеклом, не стучи. Она не услышит.

— Почему?

— Потому что так устроен мир.

Он обнял сына, последний раз вдохнул запах его волос — детский шампунь, пластик игрушек, домашнее тепло, — и отпустил.

Дверь в периметре открылась. Маленькая, техническая дверь, которой пользовались только ремонтники. За ней была полоса выжженной земли, три метра нейтральной зоны, а дальше — пустыня.

Марк шагнул через порог. Дверь закрылась за ним с тихим шипением гидравлики. Он остался снаружи.

Солнце ударило по глазам. Воздух был горячим, сухим, наполненным пылью. Запах — странный, чужой, пахнувший чем-то горелым и живым одновременно. Он пошёл вперёд, туда, где темнели лачуги, и не оборачивался. Сзади оставалась стеклянная стена, прозрачная и непреодолимая, и за ней — зелёный сад, где его сын играл с роботом и жаловался на скуку.

Через минуту после того, как он пересёк нейтральную полосу, система безопасности зафиксировала объект: человек, мужчина, возраст 47 лет, статус — внешний. Уровень угрозы — не определён. Оружия нет.

Девочка Элис увидела его первой. Она стояла на своём обычном месте, у сектора С-7, и смотрела на деревья. Когда она заметила человека, идущего со стороны стены, она не испугалась. Она узнала его. Он был тем человеком, который давал еду. Тем, кто оставлял яблоки.

Она улыбнулась и пошла ему навстречу.

Глава вторая

Земля была твёрдой. Марк почувствовал это сразу, как только подошва его ботинка — хорошего ботинка, ручной работы, купленного в магазине на Второй авеню — коснулась поверхности за нейтральной полосой. Это была не земля в привычном смысле. Это был спекшийся песок, перемешанный с глиной и чем-то ещё, что хрустело под ногами, как битое стекло. Он посмотрел вниз и увидел, что это действительно стекло — осколки, мелкие, обкатанные ветром, втоптаннные в грунт тысячами ног, которые ходили здесь до него.

Девочка подошла ближе. Она была ещё меньше, чем казалась через стекло. Тонкие руки, острые плечи, ключицы, выпирающие так, что на них можно было повесить одежду. Волосы — светлая пакля, в которой запутались песчинки. Глаза светлые, голубые или серые, трудно было понять в этом резком, безжалостном свете.

— Ты пришёл, — сказала она.

Голос у неё был тихий и немного сиплый, как будто она долго молчала или болела.

— Пришёл, — сказал Марк.

Он не знал, что говорить дальше. Все слова, которые он готовил внутри, за стеной, казались теперь глупыми и пустыми, как обещания, которые даёшь ребёнку перед сном. «Я помогу вам. Я научу вас. Я изменю вашу жизнь». Чушь. Он стоял на выжженной земле, в костюмных брюках и рубашке, с рюкзаком за спиной, в котором лежали три бутылки воды, пачка галет и швейцарский нож.

— Ты — яблочный человек, — сказала девочка. — Это ты клал еду.

— Да.

— Мама говорила, что ты придёшь.

— Твоя мама... она знала?

Девочка не ответила. Она повернулась и пошла прочь от стены, в сторону лачуг, и Марк понял, что должен идти за ней. Он пошёл. Идти было трудно — песок осыпался под ногами, каждый шаг требовал усилия. Внутри, за стеной, он ходил по искусственной траве и мраморным полам. Здесь не было ни того, ни другого. Здесь была земля, которая не хотела, чтобы по ней ходили.

Лачуги приближались. Сначала Марк видел их как тёмную полосу на горизонте, дрожащую в мареве. Теперь они обретали форму: строения из гофрированного железа, фанеры, пластиковых панелей, кусков ткани, натянутых на каркасы из арматуры. Ни одного прямого угла. Ни одной ровной стены. Всё было собрано из того, что удалось найти или украсть, и держалось на честном слове и ржавых гвоздях.

Пахло дымом и отходами. Где-то лаяла собака — хрипло, надсадно, как будто она тоже была больна. Люди сидели на порогах своих жилищ и смотрели на него. Мужчины с тёмными, обветренными лицами. Женщины в платках и драных платьях. Старики с пустыми глазами. Дети — много детей, разного возраста, грязные, босые, полуголые. Они не подходили, не просили еды, не кричали. Они просто смотрели. Как Элис смотрела на деревья — без надежды, без требования, просто фиксируя факт существования чего-то, что было за пределами их понимания.

— Сюда, — сказала Элис и нырнула в проход между двумя лачугами.

Марк последовал за ней. Проход был узким, пришлось идти боком. Листы железа царапали плечи. Сверху свисали какие-то тряпки, задевали лицо. Он споткнулся о камень, удержался за стену и чуть не обрушил её — лачуга покачнулась, внутри кто-то закричал. Он отдёргнул руку и пошёл дальше.

Элис остановилась перед входом, занавешенным куском брезента. Брезент был старый, выцветший, когда-то синий, а теперь серый от пыли.

— Мама, — сказала девочка. — Я привела его.

Из-за брезента донёлся кашель — глубокий, влажный, переходящий в хрип. Потом голос, женский, слабый:

— Пусть войдёт.

Марк отодвинул брезент и вошёл. Внутри было темно, свет проникал только через щели в стенах и дыру в крыше. Когда глаза привыкли, он увидел женщину, лежащую на подстилке из мешков. Она была худая, как скелет, обтянутый кожей. Волосы, когда-то, наверное, красивые, теперь сваялись и посерели. Руки лежали поверх драного одеяла, и пальцы были тонкие, как пруттики.

— Вы — тот, кто давал еду, — сказала она. Это был не вопрос.

— Да.

— Почему?

Марк помолчал. Он ожидал благодарности, проклятий, чего угодно, но не этого простого вопроса.

— Я не знаю, — сказал он честно. — Сначала я увидел вашу дочь. Она смотрела на деревья. А потом я уже не мог перестать.

Женщина закрыла глаза. Он подумал, что она умерла, но через секунду она снова открыла их.

— Меня зовут Сара, — сказала она. — Это Элис, вы её уже знаете. Мы живём здесь четыре года. Мой муж пытался перелезть через стену, когда у нас кончилась вода. Его застрелили.

— Я знаю, — сказал Марк. — Я видел запись.

Она не спросила, откуда у него доступ к записям. Может быть, ей было всё равно. А может быть, она уже поняла, кто он такой. Элис стояла в углу и смотрела на него своими светлыми глазами. Она не улыбалась, но и не хмурилась. Просто смотрела.

— Вы были внутри, — сказала Сара. — Вы жили там. У вас была еда, вода, лекарства. Почему вы ушли?

— Меня выслали.

— За то, что помогали нам?

— Да.

Она снова закрыла глаза, и на этот раз молчала долго. Марк стоял посреди лачуги, не зная, что делать. Он чувствовал запах болезни — сладковатый, тошнотворный запах гниющей плоти. Он видел мух, кружащих над подстилкой. Он слышал дыхание Сары — неровное, с присвистом.

— Элис, — позвал он тихо. — У вас есть вода?

Девочка кивнула и вышла. Через минуту она вернулась с пластиковой бутылкой — одной из тех, что он переправлял через вентиляцию. Воды в ней было на доньшке. Марк взял бутылку, отвернул крышку и поднёс к губам Сары. Она сделала глоток, поперхнулась, закашлялась. Кашель был страшным — он сотрясал всё её тело, и Марку казалось, что она сейчас развалится на части.

— Лёгкие, — сказала она, отдышавшись. — Пыль. Здесь всё в пыли. Пыль внутри. Пыль снаружи. Мы дышим пылью уже четыре года.

— У меня были лекарства, — сказал Марк. — Я отправлял антибиотики. Вы их получали?

— Немного. Их забирают люди Картера.

— Кто такой Картер?

Сара не ответила. Вместо неё заговорила Элис — тихо, почти шёпотом:

— Он главный. У него есть ружьё. Он говорит, что всё, что приходит со стороны стены, принадлежит ему. Потому что он это место... как это... контролирует. Мы должны отдавать ему половину.

— Половину? — переспросил Марк.

— Иногда больше. Если не отдадим — он придёт и всё заберёт. И ещё побьёт.

У Марка похолодело внутри. Он представлял себе помощь за стеной как прямое дело: он даёт — они берут. В его картине мира не было посредников. Не было человека по имени Картер с ружьём, который забирает половину и бьёт тех, кто не отдаёт. Но теперь эта картина встала перед ним, ясная и простая. Он был дураком. Благотворительность не работает, если систему распределения контролирует бандит.

— Я поговорю с ним, — сказал он.

— Не надо, — сказала Сара, не открывая глаз. — Он убьёт вас. Он уже убил троих, которые спорили. Вы ему не нужны. Ему нужна еда, а не люди.

— Я разберусь.

— Вы не понимаете, — сказала она. — Здесь другие правила. Здесь нет полиции. Нет суда. Нет ваших законов. Здесь есть только сила. У Картера сила. У вас — нет. Вы никто.

Марк замолчал. Он чувствовал, как в нём поднимается волна гнева, смешанного с беспомощностью. Он, главный инженер Стены, человек, который создал самую совершенную систему безопасности в истории, стоял в лачуге из гофрированного железа и не мог ничего сделать. Вообще ничего.

— Я пришёл, чтобы помочь, — сказал он.

— Вы уже помогли, — сказала Сара. — Без вас мы бы умерли месяц назад. Элис нашла еду у решётки. И ещё лекарство — то, что вы прислали. Мне стало лучше на неделю. Сейчас опять хуже, но это не важно. Вы сделали больше, чем кто-либо за четыре года.

Марк сел на земляной пол. Внутри было темно и душно. Пыль висела в воздухе, оседала на языке, скрипела на зубах. Он думал о том, как легко было быть щедрым, когда щедрость не стоила ничего, кроме денег. Он покупал продукты, он воровал лекарства, он пересылал их через стену — и чувствовал себя хорошим человеком. Теперь он был здесь, и всё было иначе.

— Что я могу сделать? — спросил он.

Сара открыла глаза и посмотрела на него. В её взгляде не было ни злости, ни надежды. Только усталость.

— Учите её, — сказала она. — Элис. Учите её читать. Если она научится читать, она сможет уйти отсюда. Может быть. Когда-нибудь.

— Уйти куда?

— Есть другие места. Дальше от стены, дальше в пустыню. Там есть колодцы. Там живут племена, у них есть вода, иногда еда. Но чтобы дойти туда, нужно знать карту. А карта — у Картера. Он никому не даёт её смотреть.

— А почему вы не ушли?

— Муж хотел. Он говорил: «Перелезем через стену». Он был сильный. Думал, что сможет. А я не могла идти через пустыню. Уже тогда болела. Мы ждали, что станет лучше. Не стало.

Она замолчала. Элис подошла к ней и села рядом, положив голову на плечо матери. Марк смотрел на них и чувствовал, как внутри что-то ломается — та конструкция, которую он строил годами, конструкция, позволявшая ему жить внутри и не думать о том, что снаружи. Она рухнула окончательно, и теперь он стоял посреди обломков и не знал, что строить дальше.

— Я буду учить её, — сказал он.

Элис подняла голову и посмотрела на него. Впервые за всё время на её лице появилось что-то похожее на интерес.

— Читать? — спросила она.

— Да. И писать. И считать. Всему, что знаю.

— А зачем?

Он не ожидал этого вопроса. Зачем? Чтобы уйти отсюда? Чтобы найти лучшую жизнь? Чтобы не быть рабом Картера и его ружья? Всё это было правдой, но недостаточной. Он вспомнил своего сына, который говорил «мне скучно», окружённый игрушками. Он вспомнил лицо Лео, когда тот смотрел на девочку за стеклом. «Почему там девочка?» «Ей можно к нам?» «А если я её позову?»

— Чтобы ты могла выбирать, — сказал он. — Когда ты умеешь читать, ты можешь узнать то, чего не знают другие. Ты можешь прочитать карту. Ты можешь прочитать инструкцию к лекарству. Ты можешь написать письмо. Ты становишься... свободнее.

Элис слушала, склонив голову набок, как птица. Потом кивнула — коротко, по-деловому.

— Хорошо. Когда начнём?

— Завтра.

Он переночевал в лачуге Сары. Ночью было холодно — пустыня остывала быстро, и ветер, задувавший в щели, пробирал до костей. Марк лежал на земле, подложив под голову рюкзак, и думал о том, что его дом — его настоящий дом, с кроватью, кондиционером и запахом лаванды — находится в трёхстах метрах отсюда. Он мог бы дойти до него за пять минут. Но между ним и домом стояла стена, а на стене — турели, которые он сам спроектировал. Ирония была настолько полной, что почти доставляла удовольствие.

Под утро он забылся коротким, рваным сном. Ему приснился Лео — тот играл в саду с роботом, а потом поднял голову и спросил: «Папа, почему ты ушёл?» Марк хотел ответить, но не мог — стекло было звуконепроницаемым.

Он проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. Это была Элис.

— Вставай. Пришёл Картер.

Марк сел. Солнце уже поднялось, и в лачуге стало светлее. Сара спала или была без сознания — трудно было понять. У входа, отодвинув брезент, стоял мужчина.

Он был крупным — крупнее большинства людей, которых Марк видел снаружи. Это значило, что он не голодал. На нём была военная куртка без знаков различия, грязные штаны и ботинки на толстой подошве. Через плечо висело ружьё — старое, помповое, с потёртым прикладом. Лицо мужчины было обветренным, покрытым шрамами, но глаза смотрели остро, оценивающе. За его спиной маячили ещё двое — помоложе, с дубинками.

— Ты новенький, — сказал Картер. Это был не вопрос.

— Да.

— С той стороны.

— Да.

Картер вошёл в лачугу. Ему пришлось пригнуться — потолок был низким. Он остановился в шаге от Марка и посмотрел на него сверху вниз. Марк не встал. Он остался сидеть на земле, потому что инстинкт подсказывал ему не показывать страх, но и не провоцировать.

— Говорят, это ты слал жратву через решётки.

— Я.

— Зачем?

Второй раз за сутки ему задавали этот вопрос. И второй раз он не знал, что ответить. «Потому что увидел девочку»? «Потому что не мог спать»? «Потому что понял, что я — чудовище»?

— Потому что мог, — сказал он.

Картер хмыкнул.

— «Мог». Хорошее слово. Ты «мог» слать жратву. Теперь ты здесь и больше не «можешь». Потому что здесь — моё. Вся жратва, которая приходит со стены, — моя. Все лекарства — мои. Вся вода — моя. Ты меня понял?

— Понял.

— Хорошо. Будешь платить — будешь жить. Не будешь — сдохнешь. Всё просто.

Картер повернулся, чтобы уйти, но остановился у выхода.

— Ты, говорят, инженер. Тот самый, что стену строил.

— Тот самый.

— Значит, башковитый. Мне нужны башковитые. Если хочешь работать на меня — приходи. Будешь чинить генератор, насос, всё такое. За это — паёк. Думай.

И он вышел. За ним вышли двое с дубинками. Брезент упал обратно, и в лачуге снова стало темно.

Элис сидела в углу, обхватив колени руками, и молчала. Марк посмотрел на неё и увидел, что она дрожит — мелкой, противной дрожью, которую невозможно контролировать.

— Он часто приходит?

— Каждую неделю. Забирает половину.

— Ты его боишься?

— Да.

Марк кивнул. Он тоже боялся. Но где-то глубоко внутри, под слоем страха, начинало расти другое чувство. Холодное, расчётливое, знакомое по тем временам, когда он проектировал систему безопасности. Это был гнев инженера — гнев, который не взрывается, а собирается, как энергия в аккумуляторе, и ищет выхода.

Картер был проблемой. Проблему нужно было решить.

Первые дни за стеной были самыми трудными. Не из-за голода — еды пока хватало, и Картер, к удивлению Марка, действительно оставлял им половину того, что Сара получала от его старых поставок. Трудность была в другом: в пыли, которая забивалась в нос, рот, уши, под ногти. В жаре, которая к полудню становилась невыносимой. В холоде, который приходил ночью. В отсутствии воды — её нужно было экономить, и Марк впервые в жизни понял, что значит хотеть пить по-настоящему. Не «освежиться» после тенниса, не «пропустить стаканчик» за ужином — а хотеть пить так, что язык распухает во рту, а мысли становятся вязкими, как сироп.

Он начал учить Элис на третий день. У них не было ни бумаги, ни карандаша, ни доски. Вместо доски была стена лачуги, на которой можно было рисовать углём. Вместо букваря — память Марка, который пытался вспомнить, как учили читать его самого. Вместо парты — земляной пол.

— Это буква «А», — сказал он, выводя углём корявую линию на листе железа. — С неё начинается слово «Анна».

— Кто такая Анна?

— Моя жена.

— Она тоже придёт?

— Нет. Она осталась внутри.

Элис подумала и ничего не сказала. Она взяла уголёк и попыталась повторить букву. Получилось криво, но узнаваемо. Марк поправил ей руку, и она попробовала снова. К концу первого урока она знала пять букв.

На четвёртый день он встретил Мигеля. Точнее, Мигель нашёл его сам — вышел из технического тоннеля через аварийный люк, который находился снаружи, в сотне метров от стены, и пришёл в лагерь под видом рабочего, проверяющего периметр.

— Марк, — сказал он, когда они отошли за лачуги, подальше от чужих ушей. — Ты жив.

— Пока да.

— Слушай. Сеть работает. Мы продолжаем переправлять еду и лекарства. Но без тебя трудно — система засекает аномалии быстрее. Они усилили контроль. Ещё месяц, и нас поймут.

— Тогда сворачивайтесь. Риск слишком большой.

— А они? — Мигель кивнул в сторону лачуг. — Если мы перестанем, они умрут.

Марк вытер пот со лба. Он знал это. Он знал, что люди за стеной зависят от его сети, и что если сеть закроют, голод вернется — не через месяц, так через два. Картер со своим ружьём не сможет накормить всех. Он и не захочет.

— Есть другой путь, — сказал Марк. — Не через решётки.

— Какой?

— Я пока не знаю. Дай мне время.

Мигель ушёл, пообещав вернуться через неделю. Марк остался сидеть на корточках за лачугой и смотрел в землю. В земле что-то росло — маленький, чахлый росток, пробившийся сквозь спекшийся песок. Он не знал, что это за растение и как оно выжило. Но оно росло.

Вечером того же дня он увидел, как умирает человек. Это был старик по имени Томас, живший в соседней лачуге. Он просто не проснулся утром, а к вечеру его дыхание стало таким тихим, что никто не замечал, пока оно не прекратилось совсем. Его тело вынесли на окраину лагеря и оставили там — хоронить было нечем и негде. На следующий день тело исчезло. Марк не спрашивал куда.

На пятый день он пошёл к Картеру. Лачуга Картера была самой большой в лагере — почти дом, собранный из контейнеров и укрепленный мешками с песком. У входа стоял охранник с дубинкой. Марк сказал, что хочет видеть босса. Его обыскали — быстро, профессионально, — и пропустили.

Картер сидел за столом из фанеры и чистил ружьё. На столе стояла лампа, работающая от автомобильного аккумулятора, и лежала карта. Марк заметил её сразу — старая, потрёпанная, но подробная. На ней были отмечены колодцы, о которых говорила Сара.

— Решил поработать? — спросил Картер, не поднимая головы.

— У меня встречное предложение.

Картер поднял глаза. Они были цвета выцветшей стали — холодные и спокойные.

— Валяй.

— Ты даёшь мне доступ к генератору и насосу. Я привожу их в порядок. Взамен ты открываешь школу.

— Что? — Картер даже перестал чистить ружьё. — Какую ещё школу?

— Для детей. Я буду учить их читать и писать.

Картер расхохотался. Смех у него был лающий, неприятный, но в нём не было злобы — только искреннее веселье.

— Ты сумасшедший, — сказал он, отсмеявшись. — Зачем им читать? Здесь нечего читать. Здесь нужно выживать.

— Сейчас — да. Но когда-нибудь — нет. Им нужно будет уметь думать.

— Думать — это опасно, — сказал Картер. — Тот, кто думает, начинает задавать вопросы. А тот, кто задаёт вопросы, перестаёт подчиняться. Мне это не нужно.

— Ты боишься, что они станут умнее тебя?

Улыбка исчезла с лица Картера. Он отложил ружьё и встал. Он был выше Марка на полголовы и шире в плечах почти вдвое.

— Ты, умник, послушай меня. Ты здесь всего пять дней. Ты не знаешь, как здесь живут. Ты не знаешь, что люди делают друг с другом за глоток воды. Ты пришёл из своего стеклянного рая и думаешь, что можешь чему-то нас научить? Чему? Как строить стены, которые нас убивают?

— Я могу научить их читать карты, — сказал Марк. — С картами они смогут найти колодцы. С колодцами они станут независимыми. Тебе не придётся их кормить.

Картер молчал. Это был аргумент, который он мог понять. Независимые люди — это люди, которые не просят еды. Которые не создают проблем.

— Допустим, — сказал он. — Школа. Но только дети. Взрослых — нет. И ты чинишь генератор.

— Договорились.

— И ещё. Если я узнаю, что ты учишь их чему-то кроме букв и карт — я тебя убью.

Понял?

— Понял.

Марк вышел из контейнера и вдохнул горячий воздух. Солнце садилось за стену, и стекло горело оранжевым и розовым. Там, за стеклом, его сын, наверное, ужинал сейчас в прохладной столовой, и повар подавал ему суп, и Анна поправляла салфетку на коленях, и всё было как всегда — чисто, комфортно, безопасно.

А здесь девочка Элис сидела на пороге лачуги и выводила пальцем на песке букву «Б».

— Б-а-б-а, — прочитала она по слогам, когда он подошёл. — Это «бабушка»?

— Это «отец», — сказал Марк.

— У меня нет отца.

— Теперь есть.

Она посмотрела на него и вдруг улыбнулась. Впервые за всё время, что он её знал, она улыбнулась, и улыбка преобразила её лицо — оно стало детским, живым, каким и должно было быть. Марк почувствовал, как в груди что-то сжимается, и отвернулся, чтобы она не видела его глаз.

Ночью он снова думал о Картере. Думал как инженер. Картер был элементом системы — дисфункциональным, но предсказуемым. Он контролировал ресурсы. Он подавлял любые попытки изменить порядок вещей. Он был, по сути, той же стеной — только из плоти, а не из стекла. И как любая стена, он имел слабые места.

Первое слабое место — его люди. У Картера было около десяти бойцов, но они подчинялись ему из страха, а не из лояльности. Если страх исчезнет, они уйдут.

Второе — его ружьё. Оно было одно. Патронов, по оценке Марка, было немного — Картер расходовал их экономно, стрелял только в крайних случаях. Это значило, что источник боеприпасов ограничен.

Третье — его нежелание, чтобы люди умнели. Картер боялся умных людей, потому что умные люди могли его свергнуть. Но умные люди также могли сделать его жизнь комфортнее, и он это понимал. Отсюда его согласие на школу.

Марк начал составлять план. Не план восстания — он не был революционером. План системы. Системы, в которой школа станет не просто местом, где учат буквы, а центром альтернативной власти. Где дети научатся не только читать, но и думать. Где взрослые, глядя на детей, захотят того же. Где постепенно, шаг за шагом, власть перейдёт от ружья к знанию.

Это был долгий план. На годы. Марк не знал, хватит ли у него времени. Он не знал, что скажет Картер, когда поймёт, что происходит. Он не знал ничего.

Но впервые за много месяцев он знал, зачем живёт.

Прошла неделя. Потом вторая. Марк чинил генератор — старый, раздолбанный, работающий на солярке, которую добывали непонятно где. Он провозился с ним четыре дня и в конце концов запустил. В лагере появился свет — на час вечером, пока хватало топлива. Это была маленькая победа, но люди заметили. Они начали приходить к нему, просить починить то или это. Он чинил, что мог, и постепенно обрастал связями.

Школа открылась в бывшем контейнере, который Картер выделил с большой неохотой. Первыми учениками стали пятеро детей, включая Элис. Они сидели на пустых ящиках и смотрели на Марка круглыми от любопытства глазами. Он учил их алфавиту по буквам, которые выцарапывал на ржавых листах железа. Учил цифрам, считая камни. Учил географии, рисуя на земле карту мира — такого, каким он его помнил: с океанами, горами, городами.

Дети слушали. Они не всё понимали, но они слушали. И постепенно, день за днём, они начинали понимать больше.

Однажды Элис подошла к нему после урока и сказала:

— Я хочу прочитать карту.

— Какую карту?

— Ту, что у Картера. Которая показывает колодцы.

— Это сложная карта. Ты ещё не готова.

— Я буду готова. Ты меня научи.

Марк посмотрел на неё. Ей было восемь лет. Она была худая, грязная, в драном платье. Но в её глазах горел огонь, которого он не видел ни у одного ребёнка внутри стены. Даже у Лео. Особенно у Лео.

— Хорошо, — сказал он. — Я научу тебя.

Он не знал, что этот разговор определит всё дальнейшее. Он не знал, что слова, сказанные в пыльном контейнере, запустят цепочку событий, которая в конце концов приведёт его к гибели. Он просто видел перед собой девочку, которая хотела научиться читать карту.

И он учил её.

Вечерами он сидел с ней у костра — того самого, что разводили из обломков и мусора, — и они рисовали палкой на земле контуры, похожие на очертания местности. Марк объяснял, что такое масштаб. Что такое азимут. Как ориентироваться по солнцу. Элис впитывала всё, как губка. Она задавала вопросы, которые ставили его в тупик. «А почему вода в колодце не кончается?» «А почему пустыня растёт?» «А что будет, если колодец высохнет?»

— Тогда нужно искать другой, — говорил Марк.

— А если другого нет?

— Тогда нужно идти дальше.

— Куда?

— Туда, где есть вода.

Это была простая логика выживания, и Элис понимала её лучше, чем многие взрослые. Может быть, потому что она никогда не жила внутри. Она не знала, что вода может течь из крана. Для неё вода всегда была тем, что нужно добывать, нести, экономить. Она была рождена в мире, где ресурсы конечны, и это делало её сильнее.

Через месяц после открытия школы Марк заметил, что на уроки начали приходить взрослые. Сначала один — мужчина лет тридцати с перебитым носом. Он стоял в углу контейнера и делал вид, что просто греется. Потом другой. Потом женщина с грудным ребёнком. Они не просили учить их — они просто слушали. Марк не прогонял их.

Картер узнал об этом. Он вызвал Марка в свой контейнер и сказал:

— Ты нарушаешь уговор. Я сказал — только дети.

— Я не звал их. Они приходят сами.

— Не важно. Ты учишь их, и они меняются. Они перестают бояться.

— Разве это плохо?

Картер ударил его. Не сильно — открытой ладонью по лицу, но Марк отлетел к стене и ударился затылком о железо. В ушах зазвенело.

— Это мой лагерь, — сказал Картер. — Мои правила. Если я говорю, что взрослые не учатся, значит, они не учатся. Ещё раз увижу — пеняй на себя.

Марк вытер кровь с разбитой губы и вышел. Он не чувствовал злости. Только холодную, спокойную решимость. Картер боялся. Это было видно. Он боялся, что потеряет контроль. А то, чего человек боится, рано или поздно его и уничтожает.

В тот вечер он сказал Элис:

— Учись быстрее. У нас мало времени.

Она кивнула, как всегда, серьёзно. И они продолжили урок.

Так прошло три месяца. Три месяца пыли, жары, короткого ночного холода. Три месяца уроков у костра и починки генераторов. Три месяца медленного, почти незаметного изменения — люди в лагере начали разговаривать. Не просто о еде и воде, а о том, как жить дальше. О карте. О колодцах. О том, что можно уйти от стены и найти место, где нет Картера.

Марк слушал эти разговоры и понимал: его план работает. Медленно, со скрипом, но работает. Школа стала не просто местом для уроков — она стала местом, где люди могли собираться и говорить. А там, где люди говорят, там рождается что-то новое.

Картер тоже это понял. Он начал закручивать гайки. Его люди стали патрулировать лагерь чаще. Они заходили в лачуги, искали «запрещённые книги» — которых, конечно, не было. Они угрожали тем, кто ходил на уроки. Однажды они избили мужчину с перебитым носом — того самого, что первым пришёл слушать Марка.

Но люди не перестали приходить. Они стали осторожнее — приходили по одному, ночью, оглядываясь через плечо. Но они приходили. И Марк учил их.

Он учил их арифметике — чтобы могли считать запасы. Учил их механике — чтобы могли чинить насосы и генераторы. Учил их астрономии — чтобы могли ориентироваться по звёздам. Он отдавал им всё, что знал, и ничего не просил взамен.

И однажды ночью Элис разбудила его и сказала:

— Я могу прочитать карту.

— Ты её видела?

— Да. Картер показывал её своим людям. Я запомнила. Там три колодца. Один на северо-востоке, два дня пути. Второй на юге, пять дней. Третий на западе, три дня. У третьего стоит знак, похожий на букву «О». Я не знаю, что это.

— Это «опасность», — сказал Марк. — Этот колодец охраняется или отравлен.

— Тогда у нас есть два.

— Да. Два колодца.

Они сидели в темноте, и Марк чувствовал, как внутри растёт надежда. Маленькая, хрупкая, как тот росток, что пробился сквозь песок. Два колодца — это два шанса. Два пути. Два будущих.

Он не знал, что до того, как всё кончится, оставалось меньше года. Он не знал, что Картер уже принял решение. Он не знал, что его сын внутри стены всё ещё играет с роботами и всё ещё жалуется, что ему скучно.

Он знал только одно: завтра будет новый урок. И послезавтра. И послепослезавтра. Пока он может дышать, он будет учить.

Потому что это было единственное, что имело смысл.

Глава третья

Время за стеной текло иначе. Марк заметил это не сразу — только к концу третьего месяца, когда попытался сосчитать дни и сбился. Внутри всё было размечено: часы на стене, календарь в телефоне, расписание встреч, ланчей, ужинов. Время было ресурсом, которым управляли так же тщательно, как водой или электричеством. Здесь, снаружи, время измерялось солнцем и жаждой. Солнце вставало — начинался день. Солнце садилось — наступала ночь. Между ними был промежуток, который нужно было пережить.

Он научился вставать на рассвете. Не потому, что хотел, а потому что с первыми лучами солнца лачуга нагревалась так быстро, что оставаться внутри становилось невыносимо. Он выходил наружу, разминал затёкшие за ночь мышцы и шёл к насосу. Насос был старый, ржавый, с советской ещё маркировкой, которую Марк с трудом разобрал в первый день. Теперь он знал его наизусть — каждый винт, каждую прокладку, каждый звук, который тот издавал. Если насос работал, в лагере была вода. Если насос ломался, люди начинали умирать на третий день.

В то утро насос не работал.

Марк понял это сразу, как только подошёл к скважине. Рычаг ходил вхолостую, без привычного сопротивления. Вода не шла. Он опустил на корточки и начал разбирать механизм. Руки делали привычную работу, пока мозг прокручивал варианты. Поршень? Клапан? Труба? Хуже всего, если труба — это значило, что обсадная колонна треснула где-то глубоко под землёй, и тогда скважине конец. Без буровой установки новую не пробурить, а буровой установки не было ни здесь, ни на сто километров вокруг.

Подошли люди. Сначала двое мужчин, потом женщина с ведрами, потом ещё несколько. Они стояли молча и смотрели, как он копается в железных внутренностях насоса. Они не спрашивали, в чём дело. Они уже поняли. За три месяца они привыкли, что когда Марк у насоса — всё будет хорошо. Если он молчит и не смотрит на них — хорошего не будет.

— Клапан, — сказал он наконец, выпрямляясь. — Сдох клапан. Нужна резиновая прокладка.

— Где её взять? — спросил один из мужчин. Его звали Ахмед, он был одним из тех, кто приходил на вечерние уроки. Высокий, жилистый, с руками, привыкшими к тяжёлой работе.

— Нигде, — сказал Марк. — Нужно сделать.

Он пошёл к лачуге Сары. Сара была ещё жива — антибиотики, которые он принёс в последней партии, помогли снять острую фазу, но лёгкие были разрушены безвозвратно. Она почти не вставала с подстилки, но говорила больше, чем раньше, и иногда даже смеялась — тихим, сиплым смехом, похожим на кашель.

— Насос сломался? — спросила она, как только он вошёл. Она всегда всё знала. Может быть, по лицу. Может быть, по звуку шагов. У неё появилось чутьё, которое бывает у людей, прикованных к постели, — они слышат мир иначе.

— Да.

— Надолго?

— Если найду резину — на день. Если нет — не знаю.

Он порылся в своих запасах. За три месяца он оброс имуществом — немного, по меркам внутренних, но для здешней жизни это было богатство. Моток проволоки, плоскогубцы, которые дал Мигель, изолента, гвозди, молоток, сломанный фонарик, который он всё собирался починить. Резины не было. Он посмотрел на свои ботинки. Подошва была резиновой — но без ботинок он не протянет и недели, ноги собьёт в кровь о камни и песок. Потом он посмотрел на рюкзак, с которым пришёл. Там, на дне, лежал швейцарский нож — и кожаный ремешок, которым можно было пожертвовать. Но ремешок не был резиной.

— Возьми у Картера, — сказала Сара.

— Он не даст.

— Он даст, если ты предложишь что-то взамен.

Марк знал, что это значит. Картер не брал плату едой — еды у него было достаточно. Он брал плату услугами. Долгами. Обязательствами. Каждый, кто был должен Картеру, рано или поздно становился его инструментом. Марк избегал этого три месяца. Теперь выбора не было.

Он пошёл к контейнеру. Охранник, уже знакомый, обыскал его и пустил. Картер сидел за столом, как обычно. Перед ним стояла тарелка с чем-то, похожим на тушёное мясо. Марк почувствовал запах и сглотнул слюну. Мясо здесь было редкостью — скот не выживал в пустыне, а дикие животные давно ушли дальше на юг. То, что ел Картер, было либо консервами из старых запасов, либо кем-то, кого Марк предпочитал не представлять.

— Пришёл, — сказал Картер, не поднимая головы. — Насос сдох.

— Ты уже знаешь.

— Я всё знаю. У меня глаза везде. — Он отправил в рот кусок мяса и прожевал, глядя на Марка. — Тебе нужна резина. У меня есть. Старая камера от грузовика. Валяется где-то.

— Что ты хочешь за неё?

— Умный мальчик. — Картер вытер рот рукавом. — Ты сделаешь мне детектор.

— Что?

— Детектор. Ну, как внутри. Который ловит чужаков. Ты ж их изобретал, эти ваши турели? Вот и сделай мне такой же, только маленький. Чтобы я знал, когда кто-то подходит к лагерю.

Марк молчал. Это было плохо. Очень плохо. Картер с детектором станет неуязвимым — он будет знать о каждом шаге людей внутри лагеря и снаружи. Он сможет контролировать всё ещё жёстче. Но отказаться значило оставить людей без воды.

— Здесь нет энергии для детектора, — сказал он.

— Энергия есть. Генератор ты починил. Аккумуляторов у меня хватает.

— Нужны сенсоры. Микросхемы. Я не могу сделать их из камеры от грузовика.

— Врёшь. — Картер отодвинул тарелку. — Ты, сука, врешь. Ты можешь сделать всё что угодно из чего угодно. Я видел, как ты починил насос в первый раз — там живого места не было, а ты сделал. Ты сделаешь мне детектор. Или воды не будет.

Марк стоял и смотрел на свои руки. Они были грязные, потрескавшиеся, с чёрными ногтями. Руки инженера, который три месяца не видел мыла. Эти руки могли спроектировать систему безопасности, способную удержать миллион человек. Эти руки могли починить насос из куска проволоки и надежды. Эти руки теперь должны были создать оружие для человека, который через год, возможно, убьёт его самого.

— Хорошо, — сказал он. — Я сделаю. Но мне нужны компоненты.

— Какие?

Марк начал перечислять. Он намеренно называл вещи, которых у Картера быть не могло: инфракрасные диоды, платы с микроконтроллерами, литиевые батареи. Картер слушал, прищурившись.

— Половины этого у меня нет, — сказал он, когда Марк закончил. — Но ты же умный. Ты придумаешь, чем заменить. Камера в обмен на прототип. Сделаешь за неделю — получишь ещё и консервы.

Марк кивнул и вышел. Воздух снаружи показался свежим, хотя был таким же пыльным и горячим, как всегда. Просто после контейнера Картера любой воздух казался свежим.

Камера от грузовика лежала на складе Картера — в ржавом ангаре, который когда-то был частью автозаправки. Марк нашёл её под грудой хлама. Резина была старой, потрескавшейся по краям, но для прокладки годилась. Он вырезал нужный кусок и отправился к насосу.

Через два часа вода пошла. Люди, стоявшие вокруг, зааплодировали — тихо, сдержанно, как аплодируют те, кто давно отвык радоваться чему-либо. Марк вытер пот со лба и посмотрел на свои руки. Они пахли резиной и железом. Они сделали дело.

Теперь нужно было делать детектор.

Вечером, когда жара спала и лагерь окутали сумерки, он сидел у костра с Элис. Она читала. За три месяца она прошла путь от букв до коротких слов, а от коротких слов до предложений. Сейчас она медленно, по слогам, разбирала текст на обрывке газеты, который кто-то принёс из пустыни. Газета была старая, пожелтевшая, на неизвестном Марку языке — кажется, арабском. Но Элис это не смущало. Она просто училась распознавать буквы.

— Ты грустный, — сказала она, не отрываясь от газеты.

— Нет.

— Да. Ты думаешь о том, что пообещал Картеру.

Марк подбросил в костёр щепку. Искры взлетели вверх и погасли.

— Откуда ты знаешь?

— Люди говорят. — Она наконец отложила газету и посмотрела на него. — Говорят, ты будешь делать ему машину, которая видит в темноте.

— Не в темноте. Она чувствует тепло.

— Всё равно. Ты будешь делать ему оружие.

— Это не оружие.

— Всё, что помогает ему контролировать, — оружие. — Элис говорила спокойно, повзрослому, и от этого Марку становилось не по себе. — Ты сам учил меня. Знание — сила. Детектор — это знание. Картер будет знать, где мы находимся. Он станет ещё сильнее.

— У меня не было выбора. Насос...

— Я знаю про насос. Я не говорю, что ты сделал неправильно. Я говорю — сделай так, чтобы это не помогло ему.

Марк уставился на неё. Ей было восемь лет. Откуда в ней это? От матери? От жизни в пустыне? От его уроков?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты инженер. Ты можешь сделать детектор, который работает не так, как надо. Который показывает то, чего нет. Или не показывает то, что есть.

— Это называется саботаж.

— Это называется выживание.

Они помолчали. Костер потрескивал, выбрасывая в небо крошечные искры. Где-то в лагере плакал ребёнок. Где-то лаяла собака — та самая, больная, которая всё ещё не умерла.

— Ты опасный человек, Элис, — сказал Марк.

— Я твоя ученица.

Он усмехнулся. Впервые за долгое время усмехнулся по-настоящему.

— Тогда скажи мне вот что. Если я сделаю детектор неправильно, Картер узнает. Он не дурак. Он проверит.

— А ты сделай так, чтобы он не понял. Чтобы ошибка была не сразу. Чтобы она проявилась потом. Когда ты будешь уже далеко.

— Я не собираюсь уходить.

— Я знаю. Но когда-нибудь — собирайся.

Разговор закончился. Элис вернулась к газете, Марк — к своим мыслям. Девочка была права. Не в деталях — детали он продумает сам, — но в сути. Картер был врагом. Врагу не дают оружие. Врагу дают то, что выглядит как оружие, но стреляет в другую сторону.

Он начал обдумывать схему. Настоящий детектор движения требовал инфракрасных сенсоров и хотя бы примитивного процессора. Ни того ни другого у него не было. Значит, нужно было делать имитацию — устройство, которое будет выглядеть убедительно, издавать

звуки, мигать лампочками, но не давать реальной информации. Либо давать, но с задержкой. Либо давать, но с ложными срабатываниями, которые заставят Картера нервничать и совершать ошибки.

Он думал всю ночь. Под утро у него была схема.

Следующие три дня он почти не спал. Детектор требовал компонентов, которые нельзя было найти на свалке Картера. Нужно было импровизировать. Он разобрал старый радиоприёмник, который принёс Ахмед. Извлёк оттуда несколько транзисторов и кусок платы. Из сломанного фонарика достал лампочку. Из обломков генератора — моток медной проволоки. Всё это он соединял, паял, переделывал, снова паял. Руки вспомнили навыки, которые он не использовал пятнадцать лет — с тех пор, как стал главным инженером и перестал работать руками. Главный инженер не паяет. Главный инженер сидит в кабинете и подписывает бумаги. Но здесь не было ни кабинета, ни бумаг. Здесь были только руки и голова.

На третий день в лагерь пришёл Мигель. Он появлялся раз в две недели — под видом проверки вентиляционных шахт. На самом деле он приносил новости изнутри и забирал новости снаружи.

— Тебя ищут, — сказал он, когда они отошли за лачуги. — Не полиция. Частные детективы. Анна наняла.

— Зачем?

— Хочет знать, жив ли ты. Или хочет получить свидетельство о смерти — чтобы вступить в наследство. Не знаю.

Марк представил Анну, сидящую в их гостиной с бокалом вина и подписывающую чек для детектива. Она всегда была практичной. Брак для неё был контрактом — он знал это с самого начала. Любовь? Возможно. Когда-то. Но любовь не мешала ей следить за состоянием счёта.

— Лео?

— С ним всё в порядке. Ходит в школу, играет с роботами. Спрашивает о тебе. Анна говорит ему, что ты в командировке.

— Долгая командировка.

— Он ребёнок. Он верит.

Марк закрыл глаза. Лео. Его сын. Маленький мальчик, который жаловался на скуку в саду, полным игрушек. Теперь он рос без отца, с матерью, которая не умела любить — только владеть. Что из него вырастет? Такой же банкир, как Кортесы? Такой же инженер, как сам Марк? Или что-то иное — то, чего никто не ожидает?

— У меня к тебе просьба, — сказал он. — Мне нужны компоненты.

Он передал Мигелю список. Тот пробежал глазами и присвистнул.

— Это же детали для сенсорной системы. Зачем тебе здесь сенсоры?

— Картер хочет детектор движения.

— И ты будешь делать?

— У меня нет выбора.

Мигель помолчал. Он был старым техником, он понимал, что такое «нет выбора». Он сам был в такой ситуации много раз.

— Я принесу, — сказал он. — Но не всё. Кое-что достать невозможно — засекут. Остальное — через неделю.

— Спасибо.

— Не благодари. Лучше скажи, что ты будешь делать с детектором, когда сделаешь.

— То, что нужно.

Мигель кивнул и ушёл. Марк проводил его взглядом. Старый техник был единственной ниточкой, связывающей его с прошлой жизнью. Когда эта ниточка оборвётся — а она обо-

рвётся, рано или поздно, систему безопасности не обманывать вечно, — он останется здесь совсем один.

Но он уже не был один. У него была Элис. У него была Сара. У него был Ахмед и другие люди, которые приходили на уроки. У него был лагерь, который постепенно становился его домом — не тем домом, который он выбрал, но тем, который выбрал его.

На пятый день детектор заработал. Ну, почти заработал. Он включался, мигал лампочкой и издавал звук, похожий на писк комара. Когда Марк проводил перед ним рукой, писк менял тональность. Это было убедительно. Картер будет доволен.

Но была одна деталь. Крошечная, незаметная деталь, которую Марк встроил в схему, когда паял её ночью, при свете масляной лампы. Приёмник детектора был настроен на определённую частоту — ту же, на которой работала система внутренней связи Стены. Если включить передатчик на этой частоте, детектор начнёт сходить с ума: он будет показывать ложные цели, срабатывать на пустоту, кричать тревогу без причины. А передатчик был у Мигеля. И Мигель мог включить его в любой момент.

Это был план Б. Или план В. Или план на чёрный день, которого Марк надеялся никогда не увидеть.

На шестой день он принёс детектор Картеру.

Картер осмотрел устройство. Потряс. Понюхал — зачем-то. Потом потребовал демонстрации. Марк включил детектор и отошёл в угол. Когда Картер двинулся к нему, детектор запищал.

— Ближе — громче? — спросил Картер.

— Да. Радиус — около двадцати метров.

— А если человек стоит на месте?

— Тепло тела всё равно фиксируется. Он будет пищать постоянно, пока объект в зоне.

Картер кивнул. Он был доволен. Марк видел это по его глазам — холодным, стальным, но сейчас в них промелькнуло что-то похожее на детскую радость. Он получил новую игрушку. Оружие.

— Хорошо, — сказал он. — Ты заработал свои консервы. И ещё кое-что.

Он выдвинул ящик стола и достал карту. Ту самую.

— Ты хотел её видеть. Смотри. Пять минут.

Марк взял карту. Руки дрожали — он не ожидал этого. Карта была подробной, гораздо подробнее, чем он предполагал. На ней были отмечены не только колодцы, но и старые дороги, развалины зданий, участки, помеченные как «опасно» — те самые, с буквой «О». И ещё — линии. Тонкие, пунктирные линии, идущие от стены вглубь пустыни.

— Что это за линии? — спросил он.

— Маршруты, — сказал Картер. — Их чертили те, кто уходил. Некоторые возвращались. Большинство — нет.

— Откуда у тебя эта карта?

— Она была здесь до меня. У предыдущего. Того, кто контролировал этот участок до того, как я его убил.

Марк вглядывался в карту, запоминая каждую деталь. Он не знал, когда сможет увидеть её снова. Может быть, никогда. Нужно было запомнить всё: расположение колодцев, расстояния, ориентиры. Особенно ориентиры — скалы, высохшие русла рек, останки машин.

— Время вышло, — сказал Картер и вырвал карту у него из рук. — Увидишь ещё раз, когда заслужишь.

Марк вышел из контейнера с банкой консервов в руке и картой в голове. Он не знал, правильно ли сделал, что отдал Картеру детектор. Он не знал, правильно ли было встраивать туда чёрный ход. Он вообще ничего не знал, кроме того, что на карте было два колодца, до которых можно добраться, и что теперь он знает дорогу.

Вечером он рассказал всё Элис. Они сидели в своём обычном месте, у догорающего костра, и он рисовал палкой на земле карту по памяти. Получалось не очень точно — он не был картографом, — но достаточно, чтобы понять главное.

— Этот колодец, — он ткнул палкой в точку на северо-востоке, — в двух днях пути. Если идти быстро. С детьми — три. Воды там достаточно, чтобы напоить двадцать человек. Но вокруг — открытая местность. Никаких укрытий. Если за вами погонятся, спрятаться негде.

— А этот? — Элис показала на южную точку.

— Пять дней. Там есть скалы. Можно укрыться. Но путь идёт через участок с отметкой «О». Не знаю, что это. Может, бандиты. Может, звери. Может, радиация — старые карты часто помечали так заражённые зоны.

— Значит, северо-восток?

— Значит, северо-восток.

Элис замолчала, изучая рисунок на земле. Потом подняла голову и сказала:

— Когда мы уходим?

— Мы?

— Ты, я, мама, Ахмед, остальные. Ты же не думаешь оставить нас здесь?

Марк не думал. Вернее, он старался не думать о том, что будет, когда — если — он уйдёт из лагеря. Он пришёл сюда, чтобы помогать. Он остался, чтобы учить. Но уйти — это значило бросить тех, кто от него зависел. Или взять их с собой, что было почти невозможно.

— Твоя мама не дойдёт, — сказал он тихо. — Ты знаешь это.

— Знаю. Но она хочет попробовать. Она говорит: «Лучше умереть в пути, чем здесь, под Картером».

— А ты?

— А я хочу жить. Где угодно. Лишь бы не здесь.

Она сказала это просто, без пафоса, как говорят о погоде или о том, что вода в насосе кончается. И в этот момент Марк понял, что Элис уже не ребёнок. Может быть, она никогда и не была ребёнком в том смысле, в каком он понимал это слово. Она была маленьким взрослым, который научился выживать раньше, чем научился читать.

— Хорошо, — сказал он. — Мы уйдём. Но не сейчас. Нужно подготовиться.

— Сколько времени?

— Не знаю. Месяц. Два. Нужно накопить воды и еды. Нужно разведать маршрут. Нужно, чтобы Картер ничего не заподозрил.

— Он заподозрит. Он всегда всё подозревает.

— Тогда нужно сделать так, чтобы он был занят чем-то другим.

Элис улыбнулась. Это была странная улыбка — не детская, а какая-то слишком взрослая, слишком понимающая.

— Детектор, — сказала она.

— Что — детектор?

— Ты же сделал его неправильно. Сделай так, чтобы он начал сходить с ума. Чтобы Картер думал, что вокруг лагеря кто-то ходит. Он будет занят охотой на призраков, а мы — уйдём.

Марк долго смотрел на неё. Восемь лет. Всего восемь лет, а она уже мыслила как стратег. Чему он её научил? Чтению? Письму? Или чему-то ещё, чему не планировал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.